

Мужайтесь, зайцы / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Мужайтесь, зайцы / рассказ МУЖАЙТЕСЬ, ЗАЙЦЫ

– Я, конечно, девушка широких взглядов, многое могу понять, – начала Ниночка, – но отсутствие ёлки на Новый год... ой, это что, приколы? Или дизайн такой?

Она с удивлением глядела на дурацкое сооружение, которое, видимо, предлагалось считать ёлкой: связанные в пучок в виде треноги и опутанные толстой проволокой три полуметровых ржавых прута были «щедро» украшены чем попало. На грубых крючках висело несколько электрических лампочек в своём первозданном виде (очевидно, они изображали ёлочные шары), с десяток колечек сушки «простая» печально раскачивались на длинных чёрных нитях и как апофеоз роскоши – граммов двести карамели «Лимончик», поштучно развешенные тут и там по убогому остову. Праздничное настроение как рукой сняло.

– Я, конечно, человек широких взглядов, – эхом повторил Федя, переступив порог помещения, – но позвольте узнать, что это за статуя такой, памятник ёлке? А где она сама?

– Ушла погреться, – подхватила Федина сестра Аня, запахивая на груди шубейку. – Тут в соседнем дворе костерок разожгли, никак окрестные ёлочки решили согреться. И твоя, Мишель, небось, туда отправилась?

Мишель медленно извлёк себя из глубин старомодного кресла и усмехнулся, потупив красивые очи. Он прошагал к обширному столу, похожему на нары, достал из хохломской миски длинную кисть чёрного винограда и поспешил повесить её на «ёлочку». Надо сказать, что красоты это дело не прибавило. Все трое вновь прибывших, стоя в рядок, молча наблюдали за его телодвижениями.

– Проходите, раздевайтесь, – приветливо провещал Мишель.

– Ни за что! – резко ответила Аня.

Она прошла к столу и со стуком поставила на него сумку.

– Я так понимаю, что ни питья, ни еды в этом доме не

приготовили. Ну, мы со своим пришли. Хорошо, когда в компанию недоумков затешется хоть одно мыслящее существо. Не зря я полдня над сациви убивалась.

Недоумки уставились на мыслящее существо.

– Привет, Мишель, – продолжала она, – с наступающим!

– Спасибо, дорогая Аня, и тебя, – подставил щеку хозяин.

Тут из сумрачного угла показались две фигуры. Ниночка догадалась, что полку недоумков прибыло. То был лучший друг Мишеля Сухов и его подруга Люда. Кого волнует, чем они там занимались, пока укомплектовывался коллектив, главное, что они сумели отложить свои важные дела и подгрести до кучи. Трудно было представить людей более непохожих, чем эти двое. Сухов внешне казался очень несимпатичным – высокий, рыхловатый, с мучнисто-бледным лицом и глазами навыкате, зато Людочка имела ангельскую внешность. Она была миниатюрна, стройна, и её прозрачное, безупречное по форме личико, как две звезды, освещали большие синие глаза. Каким ветром занесло эту нежную фиалку в объятия противного Сухова, непонятно. Но это детали, а печальная действительность заключалась в том, что вся эта разношёрстная компания собралась, чтобы вместе встретить Новый год. Не исключено, что в головах большинства синхронно промелькнула мысль: «Что я здесь делаю?» – уж больно неудобными оказались апартаменты. А всё Мишель. Это он пригласил друзей отпраздновать Новый год в мастерской папы-скульптора.

Начнём с того, что обширное помещение с потолками в пять метров здорово было приспособлено для ваяния скульптурной нетленки мегаразмеров, но никак не для приятного времяпрепровождения. Каменные полы и огромные окна от пола до потолка создавали прохладу, приятную только в сорокоградусную жару, а нынче на дворе стояли морозы, рекордные за последнюю сотню лет. Не способствовало праздничной атмосфере видимое отсутствие еды и напитков, а также отсутствие всякого присутствия посуды и стульев. Как ни странно, не хотелось отмечать домашний праздник, коротая время на своих двоих. Нда. Мишель оказался никудышным организатором, и, вероятно, желая реабилитироваться в глазах гостей, выдвинул на середину грубой столешницы початую бутылку портвейна «три семёрки»,

обкоцанную тарелку кузнецовского фарфора со шматом заветренного сыра и вышеупомянутую хохломскую миску с виноградом. Честная компания уставилась на натюрморт, продолжая находиться в оцепенении.

Мишель отошёл куда-то и через минуту вернулся с бутылкой водки и огнетушителем дешёвой отечественной шипучки с чарующим названием «Салют», по всей видимости, предназначенной, дамам.

– Вот, – улыбнулся Мишель, брякнув бутылками о стол.

– Щедро, щедро, – не удержалась Аня, раздумывая, доставать или нет из сумки кастрюлю с сациви.

– Слушай, Миш, а стульев у тебя тут не водится? – поинтересовался Федя. – Мы же не пингвины, так сказать, нам и присесть захочется, особенно девушкам.

– У меня здесь не водится ни пингвинов, ни стульев, – честно признался хозяин, – а водится только диван, и были где-то табуретки.

– Ладно, без пингвинов обойдёмся, а диван передвинем, – сказала Аня.

Время неуклонно приближалось к точке невозврата. Огромные окна, не знавшие штор, зияли тёмными провалами без всякого намёка на праздничную иллюминацию. Нет, не совсем так. Всё же Мороз Иваныч расстарался, расписал окна экзотическими узорами, скрасив тем самым тоскливую неприглядность интерьера. Мишель опустил в родное креслице, Фёдор занялся допотопным радиоприёмником, пытаясь найти нечто приличествующее моменту, а Аня одну за другой принесла из подсобки три табуретки, до неузнаваемости залепленные глиной, и тряпку с ведром. Сухов с Людочкой, держась друг за друга, наблюдали за остальными. В общем, все были при деле. Нина уныло направилась в сторону кухонного уголка на поиски хоть какой-нибудь посуды. И тут громкий телефонный звонок огласил окрестности. Мишель резво подскочил и пролетел в дальний угол к аппарату. Никто не обращал внимания на Мишеля, продолжая трудиться на всеобщее благо. Даже Людочка, раздобыв ножницы и несколько журналов «Смена», принялась вырезать и лепить на окна снежинки. Сухов помогал ей, положив тяжёлый подбородок на хрупкое плечико подруги, видимо, чтобы ту не сдуло сквозняком. Поговорив по

телефону, Мишель хитро улыбнулся и приволок из каморки под антресолю стопку запылённых общепитовских тарелочек и четыре сносных вилки. Фёдору удалось-таки выловить среди хрипа и треска радиостанцию «Маяк» – тощища, конечно, но всё же какое-никакое музыкальное сопровождение, – и под эту дребедень народ продолжал готовиться к празднику. Нина с Аней немного злились на Мишеля – скажи, какой гад! Хоть бы заранее обрисовал обстановку, если уж не в силах обеспечить мало-мальский комфорт. Все пришли бы пораньше и не надрывались бы сейчас, как проклятые. Неожиданно раздалась залиvistая трель дверного звонка, имитируя то ли соловьиную песнь, то ли лошадиное ржание. Немая сцена.

– Никак Де-ее-еед Мо-ро-ооз, – дурашливо проблеял Сухов.

– Здравствуй, Дедушка Мороз, борода из ваты...– подхватил Федя.

– Так ведь Новый год ещё не наступил, – растерялась Ниночка и бросилась к часам.

И тут Мишель ввёл в комнату новую гостью. Заиндевевшие кудряшки сверкали под электрической лампочкой. Она быстро скинула варежки и принялась согревать розовые пальчики дыханием.

– Снегурочка! – ахнули в один голос Фёдор и Сухов.

– Это Таня, – представил девушку Мишель.

Она и правда была похожа на Снегурочку: светлые волосы, голубые глазки, пушистый белый воротник и белая шапка из песка. Она не могла говорить и лишь кивала, не отнимая рук от лица.

– Вы только не вздумайте раздеваться, Танечка, – предупредила Нина, – а то ещё больше замёрзнете. Батареи горячие, но совсем не греют. Расстегнитесь, но пальто не снимайте.

Она мыла тарелки тёплой водой и тихо радовалась, что ей выпала такая обязанность. «Боже, какое счастье, что в этакий мороз вода в кране не замёрзла», – думала Ниночка, припоминая все несчастья, связанные с суровой нынешней зимой. Уже дважды прорывало батареи у них в общежитии, и в комнатах надолго поселился холод. Сноровистые дядьки в серых ватниках с большими железяками в красных руках хмуρο перебежали из корпуса в корпус, видно, работы было под завязку. Жуткое

зрелище представляли ползущие по Москве трамваи с облупившейся от невыносимых морозов краской. Так и ходили, агонизируя, – драные, в струпьях, с красными лоскутами на боках – пока очередной виток морозов не прекращал их мучения. Тут и там открывались апокалиптические картины: транспорт вставал, заиндевевшие троллейбусы бесконечной чередой застывали в морозной дымке, провода, покрытые толстым слоем снега, не выдерживали нагрузок. Но сегодня не хотелось думать о грустном: Новый год всё-таки! Она хмыкнула, вспомнив, как ехали сюда, на Шаболовку, пересаживаясь из автобуса в автобус, а потом на метро. В транспорте было не так уж и много народу, все нормальные люди хлопотали в это время у праздничного стола. В автобусе стойко держалась минусовая температура, и не хотелось садиться на промёрзшее сиденье. Они стояли с Федей на задней площадке, и Федя придерживал её, а Ниночка развлекалась тем, что с помощью пальцев вытаивала на обледеневших окнах следы кошачьих лапок. Как вдруг взгляд её упал на размашистую надпись на стекле, процарапанную пятакон: «Мужайтесь, зайцы, скоро лето!» Она засмеялась и показала Фёдору это замечательное послание неведомого оптимиста, а потом видела, как хмурые замёрзшие пассажиры светлели лицом, зацепив взглядом эти строки. Печально было наблюдать, как к концу поездки буквы затягиваются свежим ледком, и она попыталась обновить надпись, но удалось спасти только две первые буквы: «м» и «у», пора было выходить. «Эх ты, Му-Му, – засмеялся Фёдор, отряхивая её руку от снежной стружки, – пошли, выходим».

Думая о своём, Ниночка машинально домывала тарелки, когда твёрдая рука Ани легла ей на плечо:

– Хорош уже, и так всё перемыла. Уходим, одевайся.

– А что такое? Куда уходим, что произошло?

– Ты самое интересное пропустила. Эта Таня, Мишкина приятельница, нас к себе в гости пригласила.

– Так ведь поздно уже, не успеем до двенадцати. Да и неудобно как-то...

– Говорят, успеем, говорят, удобно. Только быстро надо. Или ты с Суховым остаться хочешь?

– Да что ж я...

– Ну все, Нинон, – перебила Анюта, – времени и правда мало. Сухов с барышней остаются, им и здесь хорошо, оказывается. Я им даже своё сациви оставляю, чтоб не скучали и с голоду не померли. Господи! Случаются ещё на свете чудеса, и добрые люди не перевелись. Как мне не хотелось в этом мерзком логове встречать Новый год!

– Знаешь, мне тоже здесь не понравилось – холодно и неприятно как-то, и грязновато, – зачастила Нина одеваясь.

– Успокойся, мы с тобой свою лепту внесли в дело поддержания гигиены и санитарии в этом вертепе. Пусть это будет новогодним подарком Мишелю, его семье и Сухову со товарищи. Идём!

Мороз крепчал. Надо было идти быстро, и маленькая Ниночка очень спешила, принаравливаясь к широким шагам Фёдора. Высушенный стужей снег хрустел под ногами битым стеклом, заглушая остальные звуки. Мороз перехватывал дыхание, наждаком обдирая горло. Она ругала себя, что не оделась теплее, что вместо тёплого шарфа повязала на шею павловский платок, красивый, но бесполезный в такой мороз. Город поражал почти полным отсутствием людей, в метро они были единственными пассажирами на платформе. Подошедший поезд похвалился хрустальной девственной пустотой. Когда вышли на «Маяковской», часы показывали без четверти двенадцать. Их компания, перешедшая на галоп, в полном молчании продвигалась к цели, а к какой – Нина терялась в догадках. Ей хотелось выдернуть руку из Фединой ладони, остановиться, отдышаться, но она не посмела и в полуобморочном состоянии подчинилась всеобщей дикой гонке. Их безумная кавалькада вихрем ворвалась в район Патриарших и устремилась к одной Тане известному дому. Тем не менее, Нина успевала отметить зловещую красоту скованных невообразимым морозом улиц. Тёмная ночь, опустившаяся на город, была расцвечена жёлтым мерцающим светом фонарей и белым ажуром инея. Деревья, казалось, навечно застыли в глубоком беспмятстве, каждой веточкой моля о пощаде, и готовы были рассыпаться в пыль при малейшем дуновении ветра. Ниночка не чувствовала ни рук, ни ног, ни щёк, только мочки ушей пощипывало, и она догадалась, что это примёрзли к ушам серёжки

из финифти, подаренные Фединой прабабушкой на их помолвку. Она не помнила, как они вбежали в подъезд, как поднялись на нужный этаж и как звонили в двери Танюшиной квартиры. Не помнилось, как снимали и куда девали выставшую одежду, но вдруг очнулись на пороге большой тёплой комнаты, освещённой хрустальной люстрой в дюжину ламп. Нина подозревала, что вся их компания пребывала в состоянии, близком к её собственному. А в комнате – о чудо! – огромный роскошный стол с белой скатертью и хрусталём, уставленный яствами, как скатерть-самобранка. На периферии зрения расплывчатыми пятнами маячили лица хозяев, ласково приглашавших всех к столу. Дружной стайкой народ двинулся к просторной ванной, и, наскоро ополоснув замёрзшие руки, один за другим потянулись к свету, к теплу. Только оказавшись за столом, Нина осознала, что других едоков не будет, а лишь родители Тани, бабушка и они, пятеро спасённых от холода и голода юнцов, хотя накрыто было человек на десять. Сильно пожилой папа Танюши, обратив взор к телевизору, спешно открывал шампанское. Мама и бабушка раздали гостям воздушные шарики, предлагая немедленно выдуть в них все неприятности уходящего года. Так, держа в одной руке шарик, а в другой – наполненный шампанским бокал, под бой курантов выпили за наступивший. Нужно было ещё успеть избавиться от неприятностей, пока не пробило двенадцать. Хозяева споро открыли огромные форточки всех трёх окон гостиной и, выпустив свои шары, показали пример молодёжи.

Ниночка зря волновалась, все всё успели, даже троекратное общее «ура» по зачину хозяина прозвучало вполне громогласно и в унисон. Ужасно довольные расселись по местам. Напряжение последних минут спало, народ расслабился и приступил к трапезе. Сначала Нина опасалась какого-нибудь конфуза за таким красивым столом, руки ещё не отошли от мороза и плохо слушались. Но страшного не случилось: никто ничего не уронил и не разбил. Лица товарищей, несмотря на кирпично-красный цвет, были прекрасны и вдохновенны.

В этой красивой и светлой комнате нашлось место и для ёлки – настоящей лесной красавицы. Увешанная большими стеклянными шарами ручной росписи, забавными фигурками и цветными бусами,

сверкающая серебряной канителью, она упиралась в потолок большой рождественской звездой, нимало не похожей на привычные наверху в виде пятиконечных красных звёзд. Цветные огоньки электрической гирлянды время от времени затевали неслышный перепляс на толстых зелёных ветках, а потом застывали ровным светом. Кроме того, на невидимых нитях тут и там покачивались рыжие мандарины, розовые пряники и конфеты в блестящих фантиках. А в самом низу, под ёлкой, «дежурил» Дед Мороз, сахарно поблёскивая всем своим белым облачением и окладистой ватной бородой. «Этому дедушке на самом деле лет сто... ну, сорок, во всяком случае», – подумала Нина. Дома у родителей в большой квадратной коробке жил точно такой же.

Звяканье вилок не заглушало беседы за столом. Мудрые хозяева не были навязчивы, не приставали с вопросами «кто да что» и вообще оказались очень приветливыми и тактичными людьми. Ниночка поражалась, как быстро, но без суеты эти совершенно незнакомые люди организовали праздничный стол для их приبلудной компании. Ведь они не могли знать заранее, что к ним явится такая орава, на всё про всё у них было от силы часа полтора. Вероятно, Танюша, собираясь на Шаболовку, заручилась согласием родных на их вторжение. Нина сомневалась, знали ли они Мишеля раньше, судя по всему, он тоже впервые попал в этот дом. Матушка Тани, немолодая женщина с милым лицом и голубыми, как у дочери, глазами, время от времени поднималась из-за стола, меняя тарелки и добавляя всё новые и новые блюда. Постепенно лица молодых людей оттаяли, губы приобрели прежние очертания, а в руках появилась необходимая сноровка. Отец семейства, не выпуская бразды правления из своих умных рук, казалось, был несказанно рад такому обилию лиц мужского пола и умело поддерживал общий разговор. Чувствовалось, что эта семья счастливая, все любили и уважали друг друга, но одно дело быть кумиром и предводителем небольшого женского коллектива, а другое – возможность общаться в собственном доме с подобными себе.

Умница-разумница и великий кулинар Аня важно вела беседу с хозяйками, умело перемежая комплименты вопросами о секретах поварского искусства. Женщины расцветали на глазах. Таня

рвалась помогать неутомимой мамочке, но была изгнана с кухни. В какой-то момент исчез папа, а вскоре, топая ногами в огромных серых валенках, в комнату ввалился Дед Мороз. Он был совсем как настоящий: с седыми кудрями под красной шапкой, с бородой и красным носом, только слишком поджар. Винно-красная шуба, подпоясанная роскошным золототканым кушаком с кистями, подозрительно смахивала на махровый халат, но белый овчинный воротник придавал достоверности облику сказочного старика. Все замолчали, обратив взоры на вошедшего. Бабушка резво поднялась с места и, прижав руки к сердцу, хорошо поставленным голосом воскликнула:

– Здравствуй, Дедушка Мороз! А мы думали, ты заблудился, ждём не дождёмся...

– Здравствуй, Дедушка Мороз, – вразнобой затагнули присутствующие.

– А ты подарки нам принёс? – предсказуемо срифмовал Федя.

– Да как же я мог о вас забыть, дорогие ребята, – сказал Дед Мороз, кивая головой, и добавил, – и взрослые! У меня же для вас подарки.

Он снял рукавицы, заткнул их за пояс и потряс парчовой сумой.

– Подарочки не простые, а волшебные...

Бабушка подтолкнула старика к столу, и он начал всех одаривать, запуская руку в мешок. Он не задумываясь доставал из волшебной котомки красивые свёртки, и через несколько мгновений каждый держал в руках подарок.

На этом можно было бы поставить точку, всё-таки хэппи-энд: праздник состоялся, подарки розданы, но, оказалось, это ещё не финал.

Мишелю достался компас на кожаном ремешке и со светящейся стрелкой. Слов нет, прекрасный подарок, кому-кому, а Мишелю в самый раз – поможет не сбиться с пути. Фёдор получил полосатый шарф-самовяз, не беда, что он не любил шарфы – в хозяйстве сгодится. Ане подарили миленькую записную книжечку в кожаном переплёте с золотистым карандашиком в специальной петельке под обложкой. Вещь, бесспорно, нужная – будет куда записывать умные мысли, свои и чужие. Нина получила в подарок стеклянный шар со снегом внутри. Стоило потрясти шарик, и на чудо-городок

нездешнего вида с разноцветными домиками и зелёными ёлочками начинал падать снежок. Волшебное зрелище! Так захотелось туда, под хрустальный купол, прямо в это рождественское благолепие, захотелось подставить лицо мягким, пушистым снежинкам, чтобы они вмиг растаяли на горячих Ниночкиных щеках. Потом она вдруг представила, как из-за крайнего белого домика с коричневыми перекрестьями фахверков выплывает облупленный московский трамвай и... она тряхнула чёлкой, отгоняя глупое видение, и поставила шарик на стол.

Никто не остался без подарка. Нина не видела, какие дары выпали на долю хозяев, слишком была занята своими мыслями, только вот растроганное лицо Таниной бабушки с коробочкой духов «Лесной ландыш» в руках она помнила долгое время. Да, конечно, в те годы эти духи были большой редкостью, и бабушка светилась счастьем так, будто отхватила Нобелевскую премию.

Праздник не закончился с раздачей слонов, ребята ещё какое-то время провели в кругу этой милой семьи.

Прежде чем окончательно выпасть из реальности, Мишель, налегавший более на напитки, чем на еду, поднялся с места и объявил, что гости хотят отблагодарить хозяев за гостеприимство, тепло сердец, за подарки. Он не стал держать длинную речь, хотя был весьма к этому склонен, и предложил устроить нечто вроде концерта по заявкам силами обласканных хозяевами гостей. Нина ужаснулась: куда его повело! Добро бы кто из них в былые времена пел в школьном хоре, или бы все они были в прямом смысле спевшейся компанией. Так нет! У Фёдора и Ани в день появления их на свет на ушах определённо потопталась пара медведей, и как водится в таких случаях, оба обожали петь. Слушать их было тяжело, но петь с ними вместе – мука, во сто крат тяжелейшая. Ниночка помнила восторженные рассказы двойняшек, как школьная учительница пения навсегда освободила их, отличников по остальным предметам, от своих уроков (автоматом ставя обоим пятёрки, дабы не портить им табель, и одновременно оберегая уши остальных). Стоит ли говорить, как завидовали Ане и Фёдору одноклассники, когда те шли кушать вкуснейшие пирожки в соседнюю забегаловку, а унылое большинство отправлялось петь «Пусть всегда будет солнце!»

Нина едва не пала духом, представив, как Анюта упросит её спеть одну из двух песен, слова которых хорошо знала и могла подхватить, но «Чёрный ворон» был явно не в масть, а длинную заунывную «Миленький ты мой» Нина терпеть не могла. Да и Мишель в совершенстве знал только песенное творчество Александра Галича, почитаемое в его семье, но тоже не подходящее к моменту. Ниночка любила петь, и это у неё неплохо получалось, но представить их компанию, поющую хором, никак не могла. И всё же она смирилась с неизбежностью, ведь сегодня праздник для всех.

Мишель, не вполне ещё утративший мыслительные способности, решил конкретизировать своё предложение: короче, петь должна была одна Нина. Федя начал тянуть Ниночку за руку и сталкивать со стула. Она тихо сопротивлялась, вцепившись в сиденье, потому что вдруг застеснялась, но потом сдалась. На нервной почве Нина забыла, что концерт по заявкам, она глубоко вздохнула и запела «Не пробуждай воспоминаний». Бабушка бросилась к пианино, ловко подстраиваясь под Нинин регистр. Продолжая петь, Ниночка пошла к инструменту. Народ замер, кто-то выключил мельтешащий знакомыми лицами телевизор с донельзя убавленным звуком. Едва отзвучали последние строки романса, Мишель сказал: «Ещё», забыв, что не он здесь главный. На третьем романсе к Нине присоединился глава семейства, украсив пение богатым баритоном. Откуда-то появилась гитара-шестиструнка, которой он виртуозно владел. Потом перешли к Окуджаве. Его песни знали все, даже бабушка. В едином порыве спели «Виноградную косточку», а затем – «Песню о новогодней ели». И так хорошо стало на душе у Нины, такое счастье охватило её, что хотелось запомнить этот миг. Она смотрела на просветлённые лица друзей и хозяев дома, приютивших их в эту праздничную ночь, и радовалась тому, как начинался год. Известно же, как Новый год встретишь – так и проведешь.

Ночь перешла в голубое раннее утро, пора было разъезжаться по домам. Мишель дремал в кресле, не выпуская из рук компаса. Значит, точно не собьется с пути. Хозяева решили оставить его у себя: «Пусть мальчик отдохнёт, в кабинете удобный кожаный диван». На том и порешили.

Сытые, размякшие от вкусной еды и хорошего вина, согретые чужим добрым счастьем, ребята вышли на улицу. Говорить не хотелось. Только Аня не удержалась и заметила, что Мишель – всё-таки настоящий гад: ему, видите ли, кожаный диван с компасом, а кому так – блокнотик для записей, на что Фёдор заметил: «Дарёному коню в зубы не смотрят». И перекинул на спину конец нового шарфа.

Они быстро вышли на Садовое кольцо и поймали такси. Было странно видеть пустынную Москву: общественный транспорт ещё не ходил, прохожих тоже не наблюдалось. Аняту посадили на переднее сиденье, и она сразу же начала клевать носом, а Фёдор, обняв Ниночку одной рукой, вдруг выгнулся коромыслом, пытаясь достать что-то из кармана. Нина замерла, приготовившись к чуду. Федя улыбнулся и протянул ей конфетку в скромной обёртке. «Му-Му», – прочитала Ниночка и добавила, возвысив голос: «Мужайтесь, зайцы, скоро лето».

– Что-что? – переспросил таксист.

– Ничего, – ответил Фёдор. – Она говорит, скоро лето.

Водитель внимательно поглядел на Ниночку в зеркало и покрутил головой. А за окнами вдруг крупными хлопьями пошёл долгожданный снег.

© Ольга ВОЛИКОВА. Neкаýalar